

приходит к выводу, что дело заключается, видимо, в особенностях человеческого интеллекта: «Решение задач является специфической особенностью человеческого интеллекта, а интеллект — это особый дар человека; поэтому решение задач может рассматриваться как одно из самых характерных проявлений человеческой деятельности ... Решение задач — практическое искусство, подобное плаванию, катанию на лыжах или игре на фортепиано; научиться ему можно, только подражая хорошим образцам и постоянно практикуясь. Конечно, подражать уже известному решению легко, если новая задача очень похожа на известную вам; однако если сходство задач невелико, то такое подражание может оказаться гораздо более трудным и даже едва ли осуществимым» [23, с. 13].

Именно в этой трудности решения практических задач, методологически проистекающей из многообразия окружающего нас мира, который, постоянно изменяясь, успешно ускользает от всех попыток втиснуть его в рамки какого-либо универсального метода или формальной схемы, заключается, видимо, причина тяготения некоторых ученых (в том числе и многих по-настоящему великих) к неосознанной вере в существование некоего (математического или иного) универсального метода: «В глубине души, — объясняет Пойа, — человек стремится к большему: ему хотелось бы обладать универсальным методом, позволяющим решить любую задачу. У большинства из нас это желание остается скрытым, но иногда оно проступает наружу в сказках и в произведениях некоторых философов. (Возможно, вы помните сказку о волшебном слове, открывающем все двери.) Над универсальным методом, пригодным для решения любых задач, размышлял Декарт; наиболее же четко сформулировал идею о совершенном методе Лейбниц. Однако поиски универсального, совершенного метода дали не больший эффект, чем поиски философского камня, превращающего неблагородные металлы в золото: существуют великие мечты, которым суждено оставаться мечтами» [23, с. 13].

В 1956 г. К. Шеннон (которого А. Н. Колмогоров считает «одним из первых математиков и одним из первых инженеров последних десятилетий» [24, с. 5]), заметив первые признаки зарождения «цунами» глобальной математизации (волна которой, вызванная в то время взрывом всеобщего интереса к кибернетике и теории информации, затем надолго накрыла целые области естествознания, экономики, социальные науки и т. д.), предупредил: «Ученые